

18+

Юрий Погорельский

Малышка два кинжала

Юрий Погорельский

Мальшка два кинжала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35002336

ISBN 9785449305879

Аннотация

Огненная и ветреная – живое пламя самого Аида, горящая факелом своего плаща. В её руках всегда два кольца, кольца сорок пятого калибра. Её тонкие ножки всегда прижимают к себе холодную сталь двух кинжалов. Она самая опасная женщина Москвы, самая коварная властительница криминального мира. Жива и невредима после всех передрыг, молода и прекрасна...

Малышка два кинжала

Юрий Погорельский

© Юрий Погорельский, 2018

ISBN 978-5-4493-0587-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На почерневшей могильной плите небрежно выбита надпись: «здесь похоронена Ястребова Ирина Сергеевна, в уголовном мире известная так же, как „красная Кассандра“, крёстная мать мафиозной пирамиды». И внизу плиты мелко, как будто на скорую руку, нацарапано: «так же известна, как „малышка два кинжала“, убийца нескольких десятков невинных людей». И между этими двумя надписями выбито время её жизни: девятнадцатое мая тысячи девятьсот восемьдесят второго (19.05.1982) – шестое февраля две тысячи одиннадцатого (06.02.2011). А начиналось всё довольно мило...

Иришка росла в обеспеченной семье. Была примерной девочкой. До поры, до времени. Блондинка с лёгчайшим оттенком рыжины, и удивительно красивыми зелёными глазами (передались от мамы), и милым личиком. Маленького роста и небольшого веса...

Когда девочке было четырнадцать лет, её родители развелись на почве враждебных интересов по жизни. Но, это не так важно. Важно совсем другое. Через полгода после развода, после бесчисленных поездок в суд о разделе имущества, мама наконец-то отвоевала право забрать Иришку к себе. И мамаша запила. Бухала беспробудно. Спустила все деньги, что получила при разделе, да ещё в серьёзные долги залезла. А отдавать и не думала. Очень скоро начались нервные звонки кредиторов, сначала с вежливым предложением вернуть назад занятые деньги, а затем с конкретными угрозами, которые с каждым разом становились всё серьёзнее. Мамочке Иры было на это наплевать. Она наслаждалась душевным спокойствием. И никакие угрозы не могли заставить её выйти из такого состояния. Абсолютная эйфория. Полнейший душевный покой...

Иришке мамино пьянство и угрожающие звонки (при нескольких таких она присутствовала лично) очень сильно надоели, и она сама решила попробовать выпить. А дело было так...

Поздний летний вечер. Почти ночь. На улице тепло. Окна в квартире открыты нараспашку. Мать пьёт на кухне, и покуривает там же. На кухне дым столбом. Мамаша на стуле уже не сидит, а полулежит. Пустой взгляд. Тут тихо входит девочка.

– Мам. – в детском голосе слышится сильное отчаянье.

– Чего тебе? – небрежно спросила мать, выпуская очеред-

ную порцию густого, разъедающего глаза, дыма.

– Мне очень скучно.

– Развлекись как-нибудь. Почитай, например.

– Что почитать? – в голосе девочки уже не отчаянье, а полнейший пофигизм.

– Не знаю. Отстань, мне и так паршиво.

– Может тогда хватит уже пить?

– А ты мне не указывай, малявка – мама внезапно сорвалась на крик – заткнись, и молчи в тряпку! Как же ты мне надоела! Надо было тебя отцу отдать. Серёга тебе-бы показал, что такое жизнь! У тебя всё есть, что тебе ещё надо?!

– Счастья. Но ты всё равно не поймёшь...

Сказав это, Иришка взяла ближайшую к ней открытую бутылку, и опрокинула в себя до дна одним махом. Допила, и со всей силы ударила бутылкой по столу. Донышко бутылки не выдержало. На пол полетели осколки. Срыгнула, крутанулась на пятках, и ушла спать. У мамыши глаза на лоб полезли. Но она ничего не сказала. А зря...

А на утро её нашла дочь с четырьмя наживными ранениями в груди и ножом в руке. Мама сидела на том же стуле, только под ним была приличная лужа ярко-алой крови. Ранения были соединены несколькими изящными линиями в виде кельтского креста. Окна в квартире почему-то были закрыты наглухо. Похоже, что именно поэтому на кухне стояла такая сильная вонь. На безумный крик девочки сбежался весь двор...

Первой прибежала тётя Люда, соседка по лестничной клетке. Долго звонила в дверь. Иришка с трудом сумела слышать этот звонок сквозь собственный крик. Побежала открывать.

– Что случилось? – озабоченно спросила соседка. Но, лицо девочки было красноречивей любых слов. Она молча кивнула в сторону кухни, смахивая горькую слезу. Соседка прошла туда. Только пересекла порог кухни, застыла, как вкопанная. Иришка видела, что по спине соседки пробежала нервная дрожь. Соседка повернулась к Иришке. Глаза почти вылезли из орбит от увиденного. Рот открылся в немом крике. Лицо выражало животный страх и сильнейшее отвращение. Соседка попыталась что-то сказать, но только тихонько пискнула, и рухнула навзничь к Иркиным ногам. Девочка быстро привела её в чувство. Посадила соседку в коридор. Прямо на пол. Через некоторое время соседка оклемалась.

– Ир, дай воды хлебнуть, пожалуйста...

Соседка совсем пришла в себя. Встала с пола, дала несколько важных указаний, что надо сделать, и ушла. При этом сказав: «Открой окна, Ир, у тебя в квартире жуткая вонь».

Девочка окна не открыла. Ей в душу на всю оставшуюся жизнь запала фраза соседки «...у тебя в квартире...» Позволила в скорую. Долго «уламывала» дежурного врача, что это никакая не шутка, и не глупый розыгрыш. Просто медики не особо доверяют подросткам. Всё им кажется не так, как

есть на самом деле. Но, девочка убедила скорую приехать как можно скорее. Просто вонь стала совсем невыносимой...

Через очень долгих сорок минут ожидания, во двор важно и не особо спеша, будто на прогулке в летнем саду, заехала потёртая машина скорой помощи. Припарковалась возле подъезда. Оттуда выпрыгнул молодцеватый, подтянутый, активный молодой врач и кейсом в руках, и вприпрыжку, будто навеселе, и пошёл к подъезду. Иришка издала язвительный смешок. Думает про себя: «вот, блин, скачет, как будто на праздник идёт, ей Богу».

Звонок в дверь. Иришка открыла. Врач зашёл.

– Вас как звать-то?

– Ирина...

И вдруг у врача раздулись ноздри, будто он к чему-то принюхивается.

– Чем это, с позволения сказать, так воняет у вас?! Такое ощущение, что здесь кто-то подох!

Скинул свои лаковые туфли, и вопросительно посмотрел на девочку. Она кивнула на кухню. Врач понял, пошёл. Повторилась сцена с соседкой. Только соседка просто пискнула, а этот завизжал, будто его режут, иначе не скажешь. При этом пытался закрыть руками глаза и уши одновременно. Иришка дала ему по харе разок. Тот мгновенно заткнулся.

– У ты чё, через пятак пятнадцать раз, нервный срыв, что-ли? Или как? Совсем с катушек съехал?! Крови никогда не видел, что ли? Да что с тобой, твою же мать?!

Иришка схватила врача за локти (до плеч не смогла дотянуться, не вышла ростом), и начала, что было сил, трясти. Потом врезала парочку звонких, смачных оплеух. Парень только вскрикнул разок. Усадила его на стул, дала воды хлебнуть. Врача перестало так сильно колотить. Он успокоился, и что-то начал бубнить себе под нос.

– Ты чё бубнишь-то?

– Отче наш...

И поперхнулся от очередной крепкой оплеухи. Голова мотнулась вправо-влево. Врач схватился за ударенную щёку, и попытался что-то сказать, но Иришка его перебила:

– Ты чё творишь, мистическая сила?!

– А эта за что?! – парень просто тормознул и не сообразил, что к чему.

– За это самое. Прекрати орать и молиться. Делом лучше займись, чтоб тебя...

И врач занялся своим делом. Только морщился иногда. Иришка тоже была на нерве. Начала крутиться на месте. Она не могла понять, что к чему. Накопилась столько всяких «почему»? В голове вихрем пронеслось: «почему мать мертва? Какого хрена у неё в руке нож? И самое главное, почему в кухне так воняет?! Такое чувство, что сейчас вывернусь наизнанку!». Иришка перестала крутиться. Слава Богу, врач этого не заметил. Девочке на всю жизнь запомнился этот запах. Запах смерти...

Но, Иришка взяла себя в руки, успокоила дыхание, по-

смотрела на кровавый нож, на этот мистический узор, и всё вспомнила. Вот оно что...

– Ирина, простите, что не знаю, но как вас по отчеству? – спросил подошедший втихую врач, нервно улыбаясь.

– Сергеевна. А что? – спросила Иришка, почёсывая блондинистый загривок.

– Ирина Сергеевна – врач совсем успокоился, и перешёл на официальный тон – я закончил.

– Ну и что же? Что вы узнали?

– На ноже, кроме отпечатков пальцев вашей мамы и её крови ничего нет. Это изошрённое самоубийство. Я пойду, позову ребят, чтобы носилки принесли.

– Извините, как вас-то зовут?

– Анатолий, можно без отчества.

– Хорошо. Анатолий, делаете то, что требуется...

Врач пошёл за носилками. Иришка осталась на кухне одна. Сидела за столом, напротив своей мёртвой матери, и тихо сопела. Иришка уже тогда умела классно замечать следы. Сама себе удивилась. Она на всю оставшуюся жизнь запомнила свою первую жертву. Собственную мать. Сидела, опустив голову и закрыв глаза. Иришка думала. Тут в её голове пронеслись несколько картинок, про которые она и думать забыла. Вот, она стоит над трупом, и смотрит на окровавленный нож, и любуется стекающей кровью. Мать ещё дышит...

Иришка открыла глаза. Всё по старому. Та же картина, что была минуту назад. Та же жуткая вонь. Почесала ногу,

и сказала себе под нос: «где этого врача носит?»

Звонок в дверь. Иришка открыла,пустила Анатолия,и двух крепких санитаров. Тело мамы положили на скрипучие носилки и унесли. Анатолий, с позволения девочки, позвонил в ближайший морг, и всё подробно рассказал. Пожал на прощание Иришке руку, и потрепал по плечу. Подмигнул ещё, не горюй мол. Затем спокойно ушёл.

Иришка подошла к окну. Со слезами на глазах смотрела на машину скорой помощи. Чувствовалась какая-то внутренняя пустота. Через какое-то время, во двор медленно въехал мрачный, почти наглухо затонированный катафалк. Оттуда вышли два крепких мужика в чёрных одеждах и с мрачными лицами. Иришка печально смотрела на всё это. Думала, почему с высоты второго этажа весь мир кажется таким маленьким? Этого она пока не знала...

Труп переложили из скорой в мрачную машину. Этим процессом руководил Анатолий. Показывал, что надо делать. На секунду обернулся к Иришкиному окну. Встретились взглядами. Анатолий мрачно покачал головой. Иришка просто кивнула, смахивая лишние слёзы. Тело погрузили. Все мужики, которые там были, одновременно закурили, смотря себе под ноги. Докурив, расселись по машинам, и медленной процессией уехали. Де жавю, опять...

Иришка всё-таки распахнула окно. В кухне всё ещё стоял этот отвратительный запах крови. На подоконнике лежала материнская пачка сигарет и спички. Ира множество раз

видела, как мама закуривала, но никогда не думала, что сама начнёт. Прикурила сигарету, и что было сил, затянулась. Лёгкие будто напильником резануло, из глаз брызнули слёзы, которые, как ей казалось, кончились. Плевать, на всё плевать...

Когда все дела с мамой были закончены, девочка выкинула недокуренную сигарету, закрыла окно, взяла телефон и позвонила отцу. Несколько пустых гудков. Бать, возьми трубку, чтоб тебя!

– Алло.

– Привет, – почему-то не своим голосом сказала девочка.

– Здравствуйте. А это кто?

– Как кто? Ты что, меня совсем не узнаёшь?

– Нет! Кто вы? Что вам нужно?! – отец сорвался на крик.

– Пап, у тебя совсем крыша поехала?! – мамино воспитание, ничего не скажешь.

– А, Иришка. Это ты. Как я рад тебя услышать. Как поживаешь, радость моя? – нежно спросил батя.

– Плохо.

– Почему?

В ответ молчание.

– Ау! Почему плохо? Мама дома?

– Нет. И не больше будет.

– Как?! – папа был в шоке. Он ничего понять не мог.

– Вот так. Умерла она, – сказала таким тоном, будто о чём-то несущественном говорит.

– Когда?! Ирочка, почему же у тебя такой спокойный голос?!

– Умерла она сегодня ночью. Так мне врач сказал.

– Какой ещё врач, чтоб его?!

– Я скорою вызывала. Врач приехал, осмотрел тело, поставил диагноз, написал какие-то бумаги, вон одна до сих пор на столе валяется.

– Что на ней написано?

– Сейчас скажу. – Иришка взяла бумагу в руки. Ну и почерк у врачей. Сам чёрт ногу сломит. – Изощрённое самоубийство.

Минута мёртвой тишины. Потом папа сказал:

– Ир, я приеду через пару часиков. Собери пока все свои вещи. Я увезу тебя из этого страшного места...

– Но, папа...

В ответ равнодушные гудки. Папаша положил трубку. Ладно, Бог с ним...

От мамы остался кожаный плащ. Спокойно висел в коридоре. Иришка надела его. Мама была высокая, а дочь, как говорится, в отца. Батя был на полголовы ниже мамы. Но, неплохо накачанный. Колобок, сильно увеличенный в размере...

Этот плащ мамаше было чуть ниже ягодиц. Девочке он был почти до пят. В коже Иришка смотрелась хорошо. Но, Иришке плащ не понравился. Рядом висел красный плащ, тоже мамашин, замшевый. Иришка нацепила его. Посмотре-

лась в зеркало. Ухмыльнулась. В длину плащ до середины икры. То, что надо...

Были у Иришки и чёрные кожаные сапоги. Девочка надела и их. Нога вошла, будто меч в ножны. Ногам удобно. Ножки у девочки маленькие. Тридцать седьмой размер. Попрыгала, поскакала в сапогах по квартире. Как говорится, в самую пору пришлись. И в самый раз шли к плащу, который слегка прикрывал эти сапоги...

Потом девочка внезапно вспомнила о кровавом ноже. Зашла на кухню, и пафосно закурив, взяла нож, и сквозь дым начала его изучать. Всё лезвие в крови. Чёрт, надо вымыть. С дымящей папироской во рту, девочка его тщательно вымыла. С тех пор она стояла у раковины и у плиты исключительно с сигаретой в зубах...

Вымытое лезвие ножа заблестело и начало переливается. Достаточно длинное. Но, твою мать, какое точно? Нашла линейку, благо та валялась рядом. Измерила длину его лезвия. Пятнадцать сантиметров. Просто замечательно. Тут у неё в голове что щёлкнуло. Она села на стул, и засунула нож в сапог. В высоту сапог доходил Иришке до икры. Нож вошёл в сапог, как в масло. Иришка встала, и ножик спокойно заездил по сапогу. У ножа нет ножен. Иришка за несколько минут их соорудила и закрепила внутри обоих сапог. И, чтобы не поранить себе ноги, девочка сделала хорошие ножны, и всё лезвие ножа полностью влезало туда. Нашла ещё один такой же ножичек. Вставила во второй сапог. И теперь там

дожидаются своего часа эти два ножа. Иришка любовно назвала их кинжалами. Да и смотрелись, как боевые кинжалы, а не как простые кухонные ножи. Из сапог торчали только рукоятки, в виде кельтского креста, которые были изначально. Просто мамаша Иришки была помешана на всём кельтском. Иришке, слава Богу, это не передалось. И, сапоги с торчащими ручками кинжалов сливались в единое целое...

Докурив, и выбравшись, наконец, из этой смердящей кухни, Иришка в коридоре скинула плащ и сапоги. Шмотки, конечно, хорошие, но никак не идут к тёмно-синим спортивным штанам и простой чёрной футболке. Иришка слегка пораскинула мозгами, и вот что придумала. Она вся будет в красном. И это не случайно...

Порыскала по квартире, нашла несколько хороших топиков. Больше всего ей понравился красный с небольшим декольте. Уже в четырнадцать лет грудь у девочки была неплохая. Но, этот красный топик совершенно не сочетался со штанами, в которых Иришка была. Решила так, что дома будет ходить в чёрном, а на улице в красном. Но, лето-то не вечное. Ещё немножко подумала, и ей пришло озарение. Хоть кожа ей и не особо нравится, но на случай морозов она просто незаменима. Да, и небольшой шёлковый чёрный шарфик, чтобы не простудиться, тоже подойдёт. Это всё девочка прокрутила в голове. Чего-то не хватало. А, вот чего. В джинсах и брюках решила не ходить по улице. Только, опять же, если сильные морозы. Девушке положено ходить

в юбке. Начались поиски оной. Через десять – пятнадцать минут Иришка нашла что-то на неё похожее. Надела эту красоту. То, что нужно, и с топилом классно сочетается. Только юбка оказалась мини. Едва-едва до колен. На тёплые времена года в самый раз. Ещё немного порылась в шмотках. Нашла ещё одну длинную юбку, только кожаную. Мамашина, вроде, юбка-то? Вроде её. Только мамаше она едва не доставала колен. Иришке она доходила до середины икры. На зиму то, что доктор прописал...

Скинула всю кожу. Надела красный костюм. Девочке он понравился больше. Шелковый топик, синтетическая мини-юбка, замшевый плащ, и чёрные кожаные сапоги. Иришка их носила в любую погоду, кроме сильной жары. Тогда в ход шла совсем другая обувь...

Свой внешний вид девочка продумала. Теперь надо подумать над именем. Её имя ей нравилось, но Иришка хотела что-то оригинальное. Кассандра, щёлкнуло в голове. Что-то точно в этом есть. Девочке оно приглянулось. Но, никак не могла понять, почему именно «Кассандра»? Точняк, Высоцкий про неё пел. Но, паспорт она всё-таки решила получить с тем именем, которым её нарекли родители. Ястребова Ирина Сергеевна...

Через несколько часов, после последнего звонка, за Иришкой приехал отец. На шестёрке малинового цвета. Машина то-ли после мойки, то-ли вообще только из салона. Тачка выглядела очень свежей. Раздался гудок. Иришка

сначала не поняла, что это вообще за звук, так как собирала шмотки, которые сама по всей квартире раскидала. Звук повторился, только чуть подольше. Иришка подумала: «молодец, батя. Вовремя». Глянула в окно. Так и есть, батя приехал. Иришка открыла окно и сильно свистнула в два пальца. Отец высунулся из машины. Поманил рукой, спускайся мол, при этом даже рот не открыв. Иришка схватила сумку, в которую покидала всю кожу, домашний наряд, и ещё кое-чего по мелочи. Закрыла дверь на все запоры и спустилась к отцу. Запрыгнула в машину с улыбкой. Настроение было просто замечательное...

– Всё своё собрала? – сурово спросил отец, сверкнув синими глазами.

– Конечно.

– Давай ключи, если не забыла их в замке, растяпа.

Иришка дала отцу ключи, он же кинул их в бардачок, да так, что в нём что-то загремело. Закурил свои любимые папиросы «Беломорканал», и так вдавил педальку, что покрышки засвистели. Иришка в последний раз обернулась на родной дом, который пропадал из виду, как мрачный сон. Девочка, за всю свою последующую жизнь, ни разу не пожалела о том, что здесь совершила. Её справедливость торжествовала...

Так отец и забрал Иришку к себе. Жила она у него на птичьих правах, не смотря на то, что батя всё-таки любил её. Только эта любовь выражалась в выдавании карманных де-

нег, сроком на месяц, суммой в пять тысяч рублей. Больше для своей дочери отец ничего не делал. Разве только то, что зарабатывал эти деньги. Иришка находилась в совершенно свободном плавании. Была полностью предоставлена сама себе. Отцу до неё не было никакого дела, потому что он быстро сообразил, как не глупый мужик, что к чему. Но не показывал вида. Воспитанием Иришки, конечно, и не думал заниматься. Даже на родительские собрания в школу не ходил, и никаких денег ни в чью пользу никогда не сдавал. И правильно делал, кстати сказать. И так одно ворьё кругом...

Кстати, рост у Иришки в течений всей дальнейшей жизни оставался по прежнему маленький (сто шестьдесят сантиметров), за что друзья её ласково называли «малышка». Два кинжала приклеились потом...

На пять тысяч рублей в месяц Иришке жилось не особо хорошо. Особенно, когда куришь, как паровоз, и слегка выпиваешь для веселья. Сотка, а то и две, в день только так улетают. Иришка, с тех самых пор, как нашла убитую мать, уже два года жила у отца. В шестнадцать лет девочка и в школу почти не ходила. Просто уходила с утра с красной замшевой сумкой, якобы в школу. Но, в это время, она, со всей присущей её характеру свирепостью, а порой и кулаками, зарабатывала свой могучий авторитет, построенный исключительно на взаимном уважении. Лично разбиралась только с одним противником. Не любила решать проблему «стенкой на стенку». Как говорил персонаж одной знаменитой книги

и фильма: «в бою участвуют лишь двое»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.